

На правах рукописи

АНДРЕЕВ Валерий Владимирович

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ УМОЛЧАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ З. Н. ГИПШИУС**

10.02.01 - русский язык

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Самара 2007

Работа выполнена в Самарском государственном педагогическом университете.

Научный руководитель член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования,
доктор филологических наук, профессор
Сеничкина Елена Павловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Акимова Ольга Борисовна;
кандидат филологических наук, доцент
Африкантова Людмила Константиновна

Ведущая организация - Башкирский государственный университет.

Защита состоится «18» мая 2007 г. в 16 час. на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при ГОУ ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Автореферат разослан «16» апреля 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Г. Ю. Карпенко

Общая характеристика работы

Умолчание - важный элемент человеческой коммуникации. К нему прибегают, когда говорящий не желает выйти за рамки этикетных или социальных норм, когда он шадит собеседника, когда слово или выражение осознается личностно важным и потому трудно вербализуемым, либо когда умолчание выступает в качестве намека на невыразимое, несказанное.

Умолчание привлекало и активно привлекает внимание русистов. Термин *умолчание* рассматривался в русской поэтике (А. П. Квятковский, 1966). В отечественной лингвистике умолчание было исследовано прежде всего в стилистике, где рассматривалось как фигура речи (И. Б. Голуб, 2001; В. П. Москвин, 2004; А. П. Сковородников, 2003), в риторике (Е. Н. Зарецкая, 2001). Умолчание как «изобразительная эллиптичность» было предметом интереса В. В. Виноградова. Учёный соотносил умолчание с полисемантической художественного слова, его способностью к отражению ассоциативно связанных с ним образов. Академик полагал, что умолчание как приём поэтики имеет различные формы выражения. В. В. Виноградов на материале произведений А. С. Пушкина анализирует такое умолчание, которое предполагает «изображение предмета, действия посредством называния сопутствующих явлений или сразу результатов событий» (В. В. Виноградов, 1941; 1967).

В современной лингвистике по-разному понимается умолчание. Одни исследователи полагают под умолчанием недоговоренность фраз, слов, отражающую высокую эмоциональность речи, апозиопезис (О. Б. Акимова, 1999; О. С. Ахманова, 2004; И. Б. Голуб, 2001). Другие учёные считают, что при умолчании говорящий сознательно обрывает высказывание и предоставляет адресату догадаться о недосказанном, а при апозиопезисе говорящий не может продолжать речь из-за наплыва чувств (О. В. Пузанова, 1998; Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова, 1999; М. А. Шелякин, 2001). Существует понимание умолчания как элемента фабулы, композиции художественного произведения, например детектива (В. И. Гусев, 1972; С. М. Козлова, 2000). Умолчание рассматривается как форма проявления подтекста художественного текста (О. Н. Емельянова, 2003; Л. Ржевский, 1990). С синтаксических позиций значение умолчания исследовалось в работах (Е. М. Галкина-Федорук, 1982; А. П. Сковородников, 1981; М. А. Шелякин, 2001).

Функционально-семантическая категория умолчания представляет большой интерес для изучения лингвистами, литературоведами, психологами, культурологами. Интерес лингвистов направлен на обнаружение и описание всех средств такой коммуникативной ситуации, при которой формаль-

но не выраженный денотат передаётся говорящим и осознаётся слушающим. То есть умолчание связано как с заменой одних словоформ другими, так и с формальной непредставленностью языковых единиц в результате их пропуска.

Семантика умолчания (далее СУ) является базовой категорией для средств эвфемизации. Все средства выражения эвфемии входят составной частью в СУ. Однако отдельные средства СУ не являются эвфемизмами. Денотат эвфемизма всегда соотносится с предметом или явлением, характеризующимся только негативной оценкой или коннотацией. Это условие является важным, но не обязательным для средств выражения СУ. Таким образом, умолчание и эвфемия находятся в отношении целого и части.

В настоящее время не существует научных работ, посвященных детальному описанию средств выражения СУ в рамках творчества того или иного писателя. До сих пор в русистике нет монографических исследований, рассматривающих язык и стиль произведений З. Н. Гиппиус.

Сказанное выше определяет **актуальность** предпринятого исследования.

Объектом исследования в диссертации являются лексические и синтаксические средства выражения СУ в творчестве З. Н. Гиппиус.

Предмет исследования - изучение состава СУ и особенностей её функционирования в прозе и поэзии З. Н. Гиппиус.

Основная гипотеза диссертации: средства выражения СУ играют заметную роль в организации художественного пространства символистских произведений З. Н. Гиппиус, в поэтических текстах мастера слова они являются стилеобразующим фактором.

Цель исследования - проанализировать средства выражения СУ как системообразующих элементов плана содержания произведений З. Н. Гиппиус.

Задачи исследования обусловлены целью работы:

- 1) изучить и проанализировать историю вопроса о СУ и средствах её выражения в русистике;
- 2) собрать и критически осмыслить филологическую литературу, касающуюся творчества и фактов биографии З. Н. Гиппиус;
- 3) выявить и описать все средства СУ с положительным и отрицательным денотатами в художественном пространстве З. Н. Гиппиус;
- 4) определить общее и особенное в функционировании средств передачи СУ в художественных текстах мастера слова;
- 5) исследовать особенности эвфемизмов, применяемых писателем.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) впервые творчество З. Н. Гиппиус в аспекте лингвистического изучения функционирования средств выражения СУ подверглось системному описанию;

2) в процессе исследования выявлены и проанализированы все средства передачи СУ в творчестве писателя, определены причины низкой и высокой частотности употребления тех или иных средств;

3) в результате теоретического осмысления и с опорой на изученную литературу по СУ выявлено общее и особенное в функционировании средств выражения СУ в художественном пространстве в целом и отдельного писателя в частности;

4) впервые в русистике предпринята попытка объяснить функционирование поэтической категории символа (играющей важную роль в символистском творчестве З. Н. Гиппиус) через многообразие средств передачи СУ;

5) в исследовании показано, что варваризмы способны выполнять эффе-мистическую функцию.

Материал и методика исследования. Основу анализируемого материала составили употребления средств выражения СУ в художественных текстах З. Н. Гиппиус (поэзии, новеллах, рассказах, романах и нехудожественных жанрах прозы). Фактический материал составляет около 2,5 тысячи языковых единиц, выявленных методом сплошной выборки из собрания сочинений З. Н. Гиппиус.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что результаты системного исследования средств передачи СУ в произведениях З. Н. Гиппиус позволяют расширить лингвистические представления о художественных особенностях поэтики символизма, многообразии функционирования в художественной речи средств СУ, специфике её применения в художественном пространстве отдельного писателя, в частности З. Н. Гиппиус.

Практическая значимость диссертации обеспечивается её теоретическими итогами, связанными с рассмотрением средств передачи СУ в текстовом аспекте. Отсюда проистекают широкие возможности использования выводов исследования в вузовской практике - в курсах стилистики и лингвистического анализа художественного текста, истории русского литературного языка и социолингвистики; а также в школьной практике - на углублённых занятиях по русскому языку.

Теоретико-методологической основой исследования послужили:

- учение о языке художественной речи, заложенное в трудах В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, И. И. Ковтуновой;

- лингвистическая теория СУ, разработанная в трудах О. Б. Акимовой, И. В. Вороновской, Е. П. Сеничкиной, М. А. Шелякина;

- исследования соотносимых с умолчанием понятий - апосиопезы, эллипсиса, подтекста, эзопова языка, смысловых пропусков - О. Н. Емельяновой, Т. Г. Миролубовой, П. А. Леканта, А. П. Сквородникова и др.;

- учение об эвфемии, разрабатываемое в трудах А. М. Кацева, Л. П. Крысина, Б. А. Ларина, В. П. Москвина, А. А. Реформатского, Е. П. Сеничкиной и др.;

- идеи текстовой, функциональной предназначенности местоимений Н. Д. Арутюновой, О. П. Ермаковой, В. В. Одинцова, Е. В. Падучевой, Н. Ю. Шведовой и др.;

- исследования языка и стиля З. Н. Гиппиус К. М. Азадовского, А. Белого, Н. А. Богомолова, Р. И. Климаса, А. В. Лаврова, Т. Пахмус и др.

Реализация поставленных задач осуществлялась с применением следующих **методов и приёмов**: 1) описательный метод с применением приёмов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения; 2) элементы метода компонентного анализа; 3) методика лингвистического анализа сегментов художественного текста.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Средства выражения СУ играют системообразующую роль в организации художественного пространства З. Н. Гиппиус.

2. В творчестве писателя разные морфологические и синтаксические передачи СУ обладают различной частотностью употребления, что предопределено не только их общезыковой частотностью, но и особенностями творческой манеры данного писателя.

3. Местоимения в творчестве (особенно в поэзии) З. Н. Гиппиус несут большую эмоциональную, эстетическую и смысловую нагрузку: с одной стороны, в совокупности с другими средствами неопределенности они являются средством символизации; с другой стороны, они применяются мастером слова для особого именованя Бога, души, любви, смерти, чërта - основных образов-символов в творчестве З. Н. Гиппиус.

4. Эвфемизмы в прозаическом наследии З. Н. Гиппиус выполняют регистрирующую, эстетическую и социально-маркирующую функции.

Апробация работы. Материалы диссертации были изложены на I Международной научной конференции «Татишевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Волжский университет им. В. Н. Татищева, г. Тольятти, 2004 г.); на VIII международной научной конференции «Риторика в модернизации образования» (Московский педагогический государственный

университет, г. Москва, 2004 г.); II Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Волжский университет им. В. Н. Татищева, г. Тольятти, 2005 г.); III Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Волжский университет им. В. Н. Татищева, г. Тольятти, 2006 г.); на итоговых научных конференциях в Самарском государственном педагогическом университете в 2004, 2005, 2006 гг.; на Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VII Кирилло-Мефодиевские чтения (май 2006 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во введении обоснована актуальность темы, сформулированы гипотеза, цель и задачи исследования, определены новизна работы, теоретическая и практическая значимость, названа теоретико-методологическая основа исследования, выдвинуты на защиту положения, характеризуется состояние научной разработанности темы диссертации.

В первой главе «История вопроса о семантике умолчания» рассматривается вопрос о разработанности теории функционально-семантической категории умолчания, исследуется проблема соотношения умолчания и сходных понятий, дается функциональная характеристика СУ, определяются основные средства её выражения.

Умолчание стало предметом пристального внимания русистов лишь в последней четверти XX в. До этого момента умолчание рассматривалось как категория стилистики, поэтики, риторики или как элемент фабулы художественного произведения. Качественно новым подходом к умолчанию явились работы О. Б. Акимовой, И. В. Вороновской, в которых значение умолчания соотносится с языковыми значениями неизвестности и неопределенности соответственно. В работе Е. П. Сеничкиной СУ впервые выступила в качестве предмета специального изучения и описания в русистике с позиций современной функциональной лингвистики.

Базовым значением для СУ является функционально-семантическая категория неопределенности. СУ имеет отражательный и интерпретационный характер. Все средства СУ обладают семантической редуцией, под которой понимается сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа её дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене.

СУ, в свою очередь, является базовой категорией для средств эвфемизации. До настоящего момента теория эвфемизмов в русистике не являлась предметом специального монографического исследования. Наиболее полно и обстоятельно данная тема изложена в работах Л. П. Крысина, В. П. Москвина и Е. П. Сеничкиной. Также в российском языкознании не заполнен лексикографический пробел: не предпринимались попытки собрать и описать имеющиеся узуальные эвфемизмы - слова и сочетания слов разной степени спаянности компонентов.

Если в советском языкознании интерес к эвфемизмам ограничивался характеристикой слов, заменяющих табу в индоевропейских языках (Л. А. Булаховский, 1953; Б. А. Ларин, 1961; А. А. Реформатский, 1996), то в конце XX в. стали активно изучаться новые эвфемизмы (А. А. Андреева, 1999; Н. С. Болотнова, 1998; А. М. Кацев, 1988; Т. В. Кочеткова, 1998; Г. Маньковская, 1997; А. С. Мейриева, 2004; Т. Л. Павленко, 1996; Е. К. Темирбаева, 1991; Е. Н. Торопцева, 2003; Е. И. Шейгал, 1999). На эвфемизацию как на активный процесс начала XXI в. указывают Л. Н. Вавилова, Н. С. Валгина, Е. А. Земская и др. исследователи. Следует, однако, признать, что изучение эвфемизмов в русистике находится на стадии накопления материала.

В первой главе показано, что основными признаками эвфемизмов необходимо признать следующие: 1) обозначение негативного денотата (по А. М. Кацеву); 2) семантическая неопределенность эвфемизма, позволяющая уменьшить, смягчить негативную оценку денотата; 3) улучшение денотата по сравнению с заменяемым словом или выражением; 4) формальный характер улучшения денотата, благодаря которому адресату удается понять, о каком предмете или явлении говорящий ведет речь.

Особое внимание в главе уделено характеристике литературного течения символизма и органичности ему языка и стиля З. Н. Гиппиус. Рассматриваются литературоведческие и лингвистические труды, посвященные изучению творчества мастера слова.

Художественный мир и жанровое своеобразие произведений З. Н. Гиппиус проанализированы в работах В. В. Агеносова, К. М. Азадовского, С. П. Бавина, Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова, Н. В. Королёвой, Н. В. Котрелёва, Е. Я. Курганова, Д. М. Магомедовой, Н. Неженца, Н. И. Осьмаковой, Т. Пахмус, Л. В. Полукаровой, Л. Щемелёвой и др. Особенности художественной системы З. Н. Гиппиус в контексте эстетических, философских и религиозных исканий писателя рассматриваются в работах К. В. Алексее-

ва, А. Ю. Бисерова, Л. Н. Дмитриевской, Е. М. Криволаповой, Я. В. Лейкиной, Н. Н. Нартыева, С. Н. Савельева, М. В. Чистовой и др.

Языковая сторона произведений З. Н. Гиппиус только становится предметом изучения. И. В. Шубарчик на материале произведений конца XIX - начала XX вв. исследует семантические и грамматические свойства фразеологизмов с компонентом-прилагательным, в том числе и многочисленные устойчивые обороты прозы З. Н. Гиппиус. Работа Р. И. Климаса в языковом изучении творчества З. Н. Гиппиус заслуживает особого внимания. Ученый выявил и описал ядро поэтического лексикона З. Н. Гиппиус, сопоставил его с лексиконами других поэтов серебряного века - М. Кузмина, Н. Клюева, В. Хлебникова и И. Северянина.

Принадлежность творчества З. Н. Гиппиус к модернистскому течению символизма заставляет нас внимательнее относиться к его языковому материалу с точки зрения СУ, так как умолчание в символизме не только носит прагматический характер, выражаемый разноуровневыми языковыми средствами, но и является философско-поэтической категорией. Умолчанию в символизме отдаётся первостепенная роль в намёках на *несказанное*.

В лингвистической парадигме *несказанное* предпочтительнее называть семантикой трудно вербализуемого. Как и категория умолчания, семантика трудно вербализуемого является самостоятельным значением в русском языке. Базовым значением последней также является неопределённость. Но если в ситуации умолчания неопределённость является мнимой, то в ситуации трудно вербализуемого неопределённость связана с неизвестностью, отсутствием сведений у кого-либо из коммуникантов о ком-либо, чём-либо, а также отсутствием средств и форм для передачи сведений. Средствами выражения семантики трудно вербализуемого являются неопределённые местоимения, наречия, прономинативы и лексические единицы с семой 'невыразимое', 'неописуемое' Напр.: *Свои фуги я забросил; опять я слышал в душе что-то такое, что светлее всяких фуг, опять я искал - и не мог найти. Оно было тут, близко, в весеннем шуме, в весеннем запахе... И как оно далеко от меня теперь!..* (Яблони цветут). В рассматриваемом примере неопределённое местоимение *что-то* в сочетании с указательным местоимением *такой* входит в описательный оборот со значением «ощущаемое, но трудно передаваемое словами».

Основными языковыми и стилистическими средствами «символизации» выступали: субстантивация прилагательных; существительные на *-ость*; старославянизмы, архаизмы, экзотизмы и неологизмы; тавтологические

словосочетания и различные виды повторов; слова с семантикой неясного, непостижимого; плеоназм и «нагромождение» синонимов; оксюморон; эллипсис; недосказания; различные виды метафор и сравнений.

Важными языковыми особенностями, придающими произведениям З. Н. Гиппиус символистское звучание, являются: отвлеченная лексика, характеризующая «непоэтический», «мужской» стиль её произведений; негативно-оценочная лексика и высокочастотное употребление частицы *не*, свидетельствующие о стремлении приблизиться к несказанному в соответствии с принципом тождества знака и означаемого; а также местоимения, передающие субъективное восприятие действительности и соответствующие форме лирической молитвы.

Стилистическими особенностями символистских произведений З. Н. Гиппиус выступают умолчания, намеки, недоговоренности и различные виды повторов. Основные образы-символы творчества З. Н. Гиппиус - Бог, смерть, любовь, слово.

Во второй главе «Лексические средства выражения семантики умолчания в творчестве З. Н. Гиппиус. Общая характеристика» описаны лексические средства выражения СУ с положительным денотатом с точки зрения их частеречной принадлежности. Отдельно анализируются фразеологизмы, выполняющие эвфемистическую функцию. Рассмотрен вопрос о соотношении средств эвфемизации с речью того или иного социального класса людей.

Высокочастотным средством выражения СУ с положительным денотатом в творчестве мастера слова является прономинализация. Среди местоимений наиболее частотно реализуют СУ личные местоимения третьего лица *он, она, оно*. Частотность использования лично-указательных местоимений зафиксирована как в прозаических, так и в поэтических произведениях З. Н. Гиппиус. При этом лично-указательные местоимения реализуют узуально закрепившиеся значения: *Бог, возлюбленный, возлюбленная*. Причем употребление местоимения *он* в значении 'Бог' всегда выделяется в творчестве З. Н. Гиппиус, согласно библейской традиции, заглавной буквой. Напр.: *И теперь даже много в этой книге для нас изменилось, - задумчиво сказал Шадров. Кто знает? Может быть, действительно, Он - дверь, и люди будущего сумеют её отворить так, чтобы им спастись* (Сумерки духа).

Заметную роль как средства передачи СУ играют слабоопределенные местоимения с аффиксом *кое-*. Местоименные средства выражения СУ часто заменяют, особенно в поэзии, слова христианской тематики, что согла-

суется с религиозно-философским направлением творчества З. Н. Гиппиус и разработкой ею методов символистской поэтики. Напр.: *Своими кольцами она, упорная, / Ко мне ласкается, меня душа. / И эта мёртвая, и эта чёрная, / И эта страшная - моя душа!* (Она). Местоимение 3-го лица женского рода употребляется для косвенного обозначения Богоматери и Вечной Женственности. Напр.: *Любил Её, люблю, не зная... / Узнаю ль в мой закатный час?* (Прошла).

Специфическим средством поэтики З. Н. Гиппиус является использование в качестве средств передачи СУ имён числительных. Так, субстантивированное числительное *третий* в художественно-философском творчестве мастера слова используется частотно, выступая в роли окказионального средства выражения СУ, заменяющего слово *Бог*. Напр.: *Я в тебе люблю... Третьего. Ты меня понимаешь? Прямо - мне любить Его не дано, а дано любить лишь чрез мне подобного. Ты - мое окно к этому Третьему* (Сумерки духа). Названное словоупотребление связано с философско-религиозными воззрениями З. Н. Гиппиус, с организацией супругами Мережковскими Церкви Третьего Завета - Церкви Духа, обладающей преемственностью между Ветхим Заветом - Церковью Отца и Новым Заветом - Церковью Сына. Следовательно, в понимании З. Н. Гиппиус *Третий* - это Бог, который связывает двух по-настоящему любящих друг друга, незримо присутствуя с ними.

Глаголы в произведениях З. Н. Гиппиус не реализуют значение умолчания у слов с положительным денотатом.

Средней частотой употребления в эвфемистической функции обладают местоименные устойчивые обороты, а также фразеологические обороты, по происхождению являющиеся эвфемистическими.

Эвфемистические фразеологизмы в творчестве З. Н. Гиппиус как средство СУ характеризуются средней частотой употребления и используются в высказываниях персонажей в сочетании с её другими лексическими и синтаксическими средствами, образуя ансамбль эвфемистических средств. Напр.: *Конечно, я вполне понимаю: вы поступили, как должны были поступить, я бы сам на вашем месте написал там в Петербург кому следует* (1), *чтоб меня того...* (2) *по шапке...* (3) *гулять отправили* (4)... *Конечно, кто обязанностей не исполняет...* (5) (Без талисмана).

Устойчивое сочетание *кому следует* (1) косвенным образом обозначает контролирующий учителей орган. Местоименный предикат *того* (2) заменяет глагольные формы *выгнали* или *уволнили*. Употребление фразеологизма *дать по шапке* снизило бы степень семантической неопределенности, но

фразеологизм подвергся сокращению - *по шапке* (3). Подобное усечение, в свою очередь, тоже является средством эвфемизации, так как усечению подлежит слово с отрицательной коннотацией (*дать* в значении 'ударить'). Словосочетание *гулять отправили* (4) заменяет слово с отрицательной коннотацией *уволить*: лексемы *гулять* и *отправить* не содержат в семантической структуре отрицательной коннотации. Недоговоренный конец фразы (5) подсказывается устойчивой комбинацией союзных компонентов *кто ... , тот: тот должен быть уволен*.

В творчестве З. Н. Гиппиус применяются следующие виды эвфемистической «деформации» фразеологизмов, содержащих компонент с отрицательной оценкой или коннотацией: усечение устойчивых оборотов, контаминация и трансформация фразеологизмов, варваризация фразеологизмов.

Частотным способом изменения фразеологизма в целях эвфемизации является усечение устойчивых оборотов или пропуск компонента с отрицательной оценкой или коннотацией. Напр.: **Чтоб вас, лопают!** *Третью корчагу на стол волоку; мне что, хозяйское добро, да руки обломала!* (Был и такой). В примере усечению подвергся компонент *разорвало*. Усечение глагола формально улучшает денотат и при сохранении прямого наименования нечистой силы. Напр.: *Олег Карлович, чёрт бы его... - проворчал сквозь зубы, не сдержавшись, Роман Иванович* (Роман-царевич).

При эвфемистической трансформации фразеологизмов к компоненту с отрицательной оценкой или коннотацией добавляют «смягчающее» слово. Напр.: *И мое такое суждение, матушка, что барышня не совсем в своём рассудке были* (Легенда). Распространение оборота *быть не в своём рассудке* со значением «быть психически больным» выполняет функцию эвфемизации.

В эвфемистических целях в творчестве З. Н. Гиппиус используются устойчивые обороты французского языка - фразеологизмы-варваризмы. Напр.: *... довольно красивая, хотя sur le retour* (Петербургские дневники). Сочетание *sur le retour* имеет значение «не первой молодости». При том устойчивый оборот *не первой молодости* по происхождению уже является эвфемизмом, но говорящий и его посчитал невежливым и прибег к его переводу на французский язык, то есть употребил в форме варваризма, что, конечно, увеличивает степень эвфемизации.

В творчестве З. Н. Гиппиус выделяются различные цели эвфемизации высказывания: улучшение коммуникации, невозможность прямо назвать денотат из-за высокой значимости его для говорящего, необходимость конспирации.

Эвфемизмы существуют в различных социальных слоях, в том числе в просторечной среде. Подобные эвфемизмы являются стилистически сниженными. Напр.: *До свадьбы не свертел бы он ее*, - сказала Мавра опасливо (Приказчик). В примере *свертеть* - просторечный эвфемизм, обозначающий вступление в половые отношения. Сфера половых взаимоотношений в крестьянской среде часто эвфемизируется в прозе З. Н. Гиппиус с помощью глаголов, имеющих общую сему 'игривость' (*шалить, баловать, озорничать*). Напр.: *Кухарка Мавра Ивана не жалеет. Был ничего мужик, справный и веселый, да только такой, Бог с ним; чтобы поиграть, как другие ни-ни* (Был и такой). Глагол *поиграть* выполняет эвфемистическую функцию и имеет значение, которое приблизительно можно передать как «приставать с целью вступления в половые отношения». Наблюдения над речью персонажей крестьян и представителей городских низов в прозе мастера слова показывают, что основным средством эвфемизации у них являются слова с обобщенной семантикой.

Эвфемизмы в прозе З. Н. Гиппиус выполняют роль социальной индикации речи персонажа. Способы улучшения отрицательного денотата социально обусловлены: так, французские варваризмы - речевая особенность аристократов и дворян; эвфемизация с помощью прономинализации и слов с опустошенной семантикой характерны революционерам.

В третьей главе «Характеристика лексических средств эвфемизации в аспекте различных классификаций в творчестве З. Н. Гиппиус» даётся исчерпывающее описание всех существующих в русистике типов классификаций эвфемизмов, подробно описываются эвфемизмы в аспекте лексико-семантической и морфологической классификаций, выявлены причины количественного преобладания того или иного средства эвфемизации в творчестве З. Н. Гиппиус.

В произведениях мастера слова выявлена следующая система наименований, подвергающихся улучшающей замене: 1) репрессивные действия власти и институты, с ними связанные; 2) противозаконные политические организации и действия; 3) межнациональные, межрелигиозные и социальные отношения; 4) война; 5) деньги; 6) сверхъестественные силы; 7) отношения между полами; 8) физические и психические недостатки; 9) пороки; 10) ругательства и оскорбления; 11) смерть и болезнь.

Лексико-семантическая группа наименований репрессивных действий власти и институтов, связанных с ней, самая многочисленная по своему лексическому составу в творчестве З. Н. Гиппиус, что косвенно свидетельствует о внимании писателя к этой стороне жизни общества. Малочислен-

ными по количественному составу являются лексико-семантические группы наименований войны и денег.

В творчестве З. Н. Гиппиус не обнаружены эвфемистические замены наименований бедности, непрестижных профессий, предметов нижней одежды, а также физиологической сферы.

В художественном наследии З. Н. Гиппиус эвфемизмов в сфере личных отношений (59%) больше, чем эвфемизмов в сфере общественных отношений (41%).

Преобладание «личных» эвфемизмов над «социальными» обуславливает заметный количественный перевес окказиональных эвфемизмов над узальными. Это происходит в силу того, что личные сферы общения характеризуются стремлением к речевой индивидуальности, творческим подходом мастера слова к языковым средствам, то есть преобладанием экспрессивной функции. В социальных сферах общения ведущей является информационная функция, которая формирует однотипность, стандартность и общественную закреплённость языковых единиц.

Среди однословных эвфемизмов, выявленных в произведениях З. Н. Гиппиус, зафиксированы слова следующих частей речи: имени существительного, имени прилагательного, местоимения, глагола, наречия.

Высокочастотными в реализации эвфемистической функции являются имена существительные и местоимения. Малочастотной в эвфемистическом отношении частью речи является глагол. Глаголы в качестве эвфемизмов частотны на синтаксическом уровне в составе словосочетаний.

В роли эвфемизмов-существительных творчестве З. Н. Гиппиус выступают слова обобщённой семантики (*дело, действие, акт, совет, история*), гиперонимы (*озорство, грех, безобразие, партия*), иноязычные слова (*фанберия, субъект, ракло*, в том числе варваризмы - *gkoliars, dans un cachot, gaffes*), отадъективные субстаниваты (*темный, несчастный*) и некоторые существительные с приставкой *не-* (*несчастье* и др.).

Местоимения 3-го лица отличаются высокой частотностью употребления в функции эвфемизмов. Так, местоимение *оно* в текстах мастера слова часто употребляется в автосемантическом значении 'нечто страшное, враждебное для говорящего'. В этом отношении представляет интерес стихотворение с названием «Оно», вносящим в художественный текст неопределённость, которая так и не раскрывается в последующих употреблениях этого местоимения: *Побежало тесно, тучно, / Многоногое Оно. / Употельно и скучно. / Хорошо и всё равно. / И слежу, гляжу, как тучно / Мчится грязное Оно.*

Излюбленным приемом З. Н. Гиппиус является такой, при котором реальное событие приобретает черты отвлеченного. Этому событию и имя присваивается не называющее, а указующее, отсылающее к чему-либо. Таким образом, количество потенциальных сем в указующей лексеме не ограничено и варьируется от читателя к читателю. Местоимение *оно* в подобных употреблениях выступает пограничным средством выражения СУ, а также средством передачи семантики трудно вербализуемого, поскольку указывает на обобщенный и размытый концепт. Максимально неопределенный эвфемизм - местоимение среднего рода *оно*, в котором нейтрализация категории рода является знаком отрицательной оценки. Со временем в творчестве З. Н. Гиппиус *оно* приобретает конкретные черты: *многоногое* и *грязное* оказывается *многоголовым* и *красноглазым*. Напр.: *Схватило, заперло, оставило / Многоголовое Оно. / В холодной келье замуравило / Моё последнее окно. / О, пусть бы яма одинокая, / И темь, и тишь, и холод плит... / Но я не знал, что Красноокое / Меня и с Ним разъединит* (Красноглазое).

Эвфемизм *оно* заменяет различные денотаты с отрицательной оценкой или коннотацией: война (кровожадность которой подчеркнута в цвете глаз), социальный бунт, то, что не от Бога. По философским воззрениям З. Н. Гиппиус, *оно* принадлежит категории несказанного, то есть дьявольскому началу, в отличие от несказанного, идущего от Бога.

Неопределённые, указательные и притяжательные местоимения обладают низкой частотностью употребления в функции эвфемизмов в творчестве З. Н. Гиппиус.

Среди прилагательных к частотным способам эвфемизации относятся номинации от противного (*не христианский* вместо *еврейский*; *нездоров* вместо *находится при смерти, умирает*; *незаконный* вместо *рождённый вне брака*; *недостаточный* вместо *слишком маленький*). Малочастотным средством употребления в эвфемистической функции являются диминутивы (*хроменький* вместо *хромой*, *худенький* вместо *очень худой*, *глуповатый* вместо *глупый*). Диминутивы в этом случае употребляются не в прямом значении и не указывают на уменьшительность, а применяются в переносном - преуменьшительном - значении (Л. П. Крысин, 2004).

Глаголы в качестве эвфемизмов в анализируемом языковом материале разнообразны: сокрытие подлинного направления или характера действия производится за счёт дейктического глагола *делать*, глаголов с пониженным уровнем конкретности (*очищать* вместо *расстреливать*; *забыться* вместо *сойти с ума*; *нездоровиться* вместо *беременна*), глаголов уменьши-

тельно-смягчительного способа действия (*поиграть* вместо *вступить в половые отношения*). Безобъектное употребление переходных глаголов - еще одно частотное средство в образовании эвфемизмов в творчестве З. Н. Гиппиус.

Среди наречий, используемых в эвфемистической функции, в творчестве З. Н. Гиппиус наиболее частотными являются местоименные наречия (*там, тогда, туда, так, оттуда*). Напр.: *И я тебе противна? - Ужасно, признался Владя. - Мне всё чудится, что это ты же со мной тогда...* (вместо *во время удовлетворения физической страсти*) («Двое - один»). Знаменательные наречия в выражении эвфемистической функции характеризуются низкой частотностью употребления (*наверху, близко, безнравственно*). Напр.: *Мое место здесь, - угрюмо произнес Будкин. - Пока не сvezут, либо в больницу Николая, либо подальше, дела не покину* («Без талисмана»). Обстоятельственное наречие *подальше* используется вместо словоформы *на кладбище*.

Процентное соотношение частей речи в функции эвфемизмов, выявленных в творчестве З.Н. Гиппиус, таково: имя существительное - 34,4 %, местоимение - 32 %, имя прилагательное - 12,7 %, наречие - 11,8 %, глагол - 9,1 %.

В четвёртой главе «Синтаксические средства выражения семантики умолчания в творчестве З. Н. Гиппиус» описаны словосочетания, простые и сложные предложения как средства выражения СУ. Дается характеристика приема апосиопезы как средства передачи умолчания персонажем, повествователем, лирическим героем. При детальном описании средств СУ подробно рассматриваются и низкочастотные в творчестве З. Н. Гиппиус синтаксические средства - неопределенно-личные предложения, неполные и эллиптические предложения, варваризмы-словосочетания и варваризмы-предложения.

Наиболее частотными синтаксическими средствами выражения СУ в творчестве З. Н. Гиппиус являются апосиопеза и описательные обороты, что обусловлено характером творческих тем, разрабатываемых писателем: отношения между мужчиной и женщиной, человеческие слабости и пороки, отношения между властью и отдельным человеком, деятельность противозаконных политических организаций. Эти темы личных и социальных сфер общения очень часто эвфемизируются.

Апосиопеза, как синтаксическая форма умолчания, в творчестве З. Н. Гиппиус реализуется в двух функциональных разновидностях: 1) в функции усечения слов и высказываний с положительным денотатом (22,4% примеров) и 2) в эвфемистической функции (77,6%).

Апосиопеза как средство выражения СУ в творчестве З. Н. Гиппиус способна реализоваться в сочетании с паралингвистическими и собственно языковыми средствами, образуя ансамбль средств передачи СУ. Напр.: [Гость заметил счет за дорогое платье знакомой обоим женщины] *Нет, что за беда? - притворно-небрежным тоном произнес Шилаев, убирая бумажки.*

Только если вы думаете... то даю вам честное слово, что вы ошибаетесь (Без талисмана). Притворно-небрежный тон как паралингвистическое средство сигнализирует о незначительности предмета разговора. В связи с намеренным понижением значимости в беседе выбираются языковые средства, характеризующиеся семантической или синтаксической редукцией. Читатель без труда может продолжить обрыв предложения: *что я состою с этой женщиной в любовной связи.*

В творчестве З. Н. Гиппиус апосиопеза применяется в различных планах организации повествования: прямой речи, несобственно-прямой речи; монологической и диалогической речи, передаче устной и письменной форм речи. Наиболее часто апосиопеза употребляется в диалогической речи.

Описательные конструкции в качестве средства выражения СУ в творчестве З. Н. Гиппиус представлены двумя разновидностями: описательные обороты с положительным денотатом и описательные обороты с отрицательным денотатом. Эвфемистические описательные обороты в прозе З. Н. Гиппиус преобладают (70,9%) над оборотами с положительным денотатом (29,1%).

В словосочетаниях, выражающих СУ, в качестве главного слова в произведениях З. Н. Гиппиус выступает лексема любой знаменательной части речи, характеризующаяся обобщенной семантикой, указательностью своего значения и - при реализации эвфемистической функции - отрицательным денотатом. В качестве зависимых слов в словосочетании выступают местоимения, наречия меры и степени, прилагательные в сравнительной степени.

При реализации эвфемистической функции словосочетания представлены субстантивными, глагольными и реже местоименными словосочетаниями. Самые частотные в творчестве З. Н. Гиппиус - глагольные словосочетания. Напр.: *Нет, Киселева завтра придет, - проговорила Вера, смущаясь. А Домбровский... ведь вы знаете, Павел Павлович, что мы с ним немного поссорились...* (Без талисмана). Эвфемистическую функцию наречие *немного* реализует в сочетании с глаголом, содержащим отрицательную оценку или отрицательную коннотацию.

Среди сложных предложений средством выражения СУ способны быть лишь сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры - с местоименно-соотносительной, местоименно-союзной, субстантивно-атрибутивной и изъяснительной придаточными частями. Наиболее частотными в выражении СУ являются придаточные определительные.

Эта частотность объясняется тремя причинами: 1) восполняющим характером субстантивно-атрибутивных (присубстантивно-определительных) придаточных, «поскольку определяемое имя существительное слишком общо по значению и нуждается в отличительном признаке, конкретизирующем, суживающем его значение» (Н. С. Валгина, 2000, с. 301); 2) конкретизирующим характером приместоименно-определительных (местоименно-соотносительных и местоименно-союзных) придаточных, которые раскрывают смысл контактного местоимения; 3) косвенностью определительной характеристики, так как рассматриваемые придаточные описывают предмет «не прямо, а косвенно - через ситуацию, которая так или иначе связана с предметом» (Е. С. Скобликова, 1993, с. 46).

Присубстантивно-определительные (субстантивно-атрибутивные) придаточные делятся на два подвида - на атрибутивно-выделительные и атрибутивно-распространительные. Но только атрибутивно-выделительные предложения способны выступать в качестве средства передачи СУ, так как последние характеризуются как необязательные, сообщающие дополнительные сведения о существительном-предмете. Напр.: *Говорить о высоком предназначении женщины и через полчаса ехать к женщинам, которые потеряли образ человеческий!* (Победители). Вуалированию подвергается такое социально порицаемое явление, как проституция, в связи с чем говорящий персонаж употребляет описательный оборот. Обращает на себя внимание и экспрессивно-высокое по семантике словосочетание *образ человеческий*, и книжно-инверсированный характер его структуры, что, конечно же, формально улучшает денотат.

Низкочастотными средствами выражения СУ синтаксического уровня в творчестве З. Н. Гиппиус являются неопределенно-личные, неполные и эллиптические предложения, словосочетания-варваризмы и предложения-варваризмы.

Неопределенно-личные предложения в качестве средства передачи СУ в текстах З. Н. Гиппиус употребляются только в эвфемистической функции. При этом в качестве неопределенных производителей действий выступают представители репрессивных органов власти: полицейские, жандармы,

тюремщики. Напр.: *Да вы как же, если из нашего села? Были там у нас, забрали их...* (Земля и Бог).

В неполных предложениях, передающих СУ, в произведениях З. Н. Гиппиус элиминированию подвергаются слова как с положительным, так и с отрицательным денотатом. Ситуативные неполные предложения в произведениях З. Н. Гиппиус, в отличие от контекстуальных неполных, чаще выступают в качестве средства передачи СУ. Причем все выявленные примеры ситуативных предложений употреблены в эвфемистической функции. Это объясняется характером ситуативных предложений, в которых пропущенный член предложения хотя и не называется, но подсказывается ситуацией, обстановкой общения. Таким образом, ситуативные неполные предложения выступают важным коммуникативным элементом улучшения речи, во время которой слова с отрицательным денотатом не произносятся, но осознаются благодаря обстановке. Напр.: [Проститутка обращается к новому посетителю] *Вы отчего же у нас не были? - сказала Виктуса, опять обращаясь к Богомолу. Не приходилось, что ли? Или вы вообще не ездите?* (Уверенная). При предикате отсутствует актант *в публичные дома*, но сильная валентность этого глагола без конкретизирующего слова создает неопределенность, что и позволяет глаголу реализовать эвфемистическую функцию.

Эллиптические предложения реализуют только эвфемистическую функцию. В отличие от неполных предложений эллиптические предложения обладают большим потенциалом для реализации СУ, так как семантическая редукция в них больше благодаря подразумеванию не одного слова, а целой семантической группы. Напр.: [Ванька-Хан размышляет по поводу форм самоубийства] - *Господа и вообще мужчины большие из револьвера, если что не понравится, - сказал Ванька-Хан глубокомысленно. - А мы, как нам ношение огнестрельного оружия воспрещено, чаще насчет веревки. Ваша же сестра по эссенческой части. Ну, а впрочем, безразлично, в смысле результата* (Лунные муравьи). В примере содержится ансамбль эвфемистических средств. Во-первых, эллиптические конструкции *мужчины большие из револьвера* (вместо *стреляются*); *ваша же сестра по эссенческой части* (вместо *травятся*). Во-вторых, лексическое средство - словоформа *результат* косвенно обозначает смерть.

Эвфемистическую функцию в творчестве З. Н. Гиппиус реализуют французские варваризмы, представленные в виде словосочетаний и предложений.

Низкочастотным средством выражения СУ являются полные двусоставные, а также безличные предложения.

В процентном отношении синтаксические средства передачи СУ, выявленные в творчестве З. Н. Гиппиус, составляют: апосиопеза - 40,8%; описательные обороты - 36,3%; неопределённо-личные предложения - 9,9%; неполные предложения - 5,9%; эллиптические предложения - 3,9%; словосочетания-варваризмы и предложения-варваризмы - 3,2%.

В заключении сформулированы выводы, намечены перспективы и аспекты дальнейшей работы в изучении средств выражения СУ.

Основное содержания диссертационного исследования отражено в следующих публикациях

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикаций по кандидатским и докторским диссертациям

1. Андреев В. В. О смягчающей функции французских варваризмов в художественной речи XIX - начала XX веков // Русская словесность. 2007. - № 1. - С. 70-72.

Статьи в иных изданиях

2. Андреев В. В. Лексические средства выражения семантики умолчания в новеллах З. Н. Гиппиус // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Филология». Выпуск четвертый. - Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2004. - С. 133-139.

3. Андреев В. В. Использование именных частей речи в качестве эвфемизмов в художественных произведениях З. Н. Гиппиус // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Филология». Выпуск пятый. - Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2005. - С. 129-135.

4. Андреев В. В. Об одном средстве эвфемизации в творчестве З. Н. Гиппиус // Вестник Самарского государственного педагогического университета: 60-летию Победы посвящается: Институт филологического образования. - Самара: СГПУ, 2005. - С. 156-165.

5. Андреев В. В. Об одном синтаксическом средстве семантики умолчания в произведениях З. Н. Гиппиус // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Филология». Выпуск шестой. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2006. - С. 152-162.

6. Андреев В. В. Социальная маркированность эвфемизмов в художественных произведениях З. Н. Гиппиус // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: Материалы всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VII Кирилло-Мефодиевских чтений. - М.-Ярославль: Ремдер, 2006. - С. 3-8.

7. Андреев В. В. Описательные конструкции как средства выражения семантики умолчания в произведениях З. Н. Гиппиус // Вестник Самарского государственного педагогического университета: Институт филологического образования. - Самара: Изд-во СГПУ, 2006. - С. 84-99.

8. Андреев В. В. Деформация фразеологизмов как средство эвфемизации (на примере произведений З. Н. Гиппиус) // Исследования по истории и теории языка. К LXX-летию Р. И. Тихоновой: Сб. ст. - Самара: Изд-во СГПУ, 2007. - С. 86-91.